

«Love with you» — «Я люблю тебя».

Хань Линь ума не мог приложить, как этот идиот Линь Цзунцзе умудрился высмотреть в трёх английских словах местоимение «я».

Подарок он так и не принял. Как ни распинался Линь Цзунцзе, как ни уговаривал его всю дорогу — Хань Линь не проронил ни слова. Он просто развернулся и пошёл прочь, предоставив парню плестись следом.

Всю дорогу Цзунцзе ловил на себе раздражённые взгляды, но упорно продолжал тащиться позади. Когда они наконец поднялись к квартире, Хань Линь даже не подумал обернуться, чтобы попрощаться. Он просто вставил ключ в замочную скважину. Заметив это, Линь Цзунцзе потянулся к его руке, пытаясь остановить.

Он всего лишь хотел сказать что-то вроде: «Ну ладно тебе, не злись», но Хань Линь резко обернулся и в панике вlepил ему пощёчину. Точнее, не пощёчину — он просто зажал ему рот ладонью.

Удар вышел хлестким и на удивление тяжёлым. Ладонь с громким шлепком впечаталась прямо в губы Линь Цзунцзе, так что у него даже зубы заныли.

В наступившей тишине оба замерли, растерянно уставившись друг на друга.

Линь Цзунцзе опешил. Хань Линь тоже растерялся.

Боялся ли Хань Линь, что его снова поцелуют?

Если честно — до смерти боялся. Однако Линь Цзунцзе вовсе не собирался на него набрасываться. Он лишь стоял с глупым видом, хлопая глазами, и смотрел на него с обидой безвинно пострадавшего. Смутившись, Хань Линь отдернул руку.

Несмотря на то что Линь Цзунцзе вечно торчал на спортивной площадке под палящим солнцем, кожа у него от природы была светлой. Вокруг его тонких губ и на щеке уже проступило розоватое пятно. Не зная его, можно было подумать, что перед тобой какой-то изнеженный домашний мальчик, которого пальцем не задень.

— Ты чего? — Линь Цзунцзе недоумённо потёр лицо. — За что?

Хань Линь смущённо уставился на свои пальцы. Признаться, что испугался очередного поцелуя, не позволяла гордость — к тому же Цзунцзе действительно ничего такого не планировал, и бурная реакция Хань Линя выглядела глупо, будто он сам только об этом и думал. Сжав зубы, он буркнул первое, что пришло в голову:

— Извини. Рефлекс.

Линь Цзунцзе недовольно надулся.

— Ты ведь испугался, что я полезу целоваться? Думаешь, раз отличник, так все вокруг дураки? Если это рефлекс, почему ты вчера меня не ударил? — Он потрогал пострадавшую щеку. — Обидно, блин. Поцеловать не поцеловал, а по морде получил.

— Да ладно тебе... — пробормотал Хань Линь. — Не так уж и сильно я ударил.

— Не сильно?! Хочешь, я тебе так же врежу, сам проверишь? Посмотри на мои губы! Будь у меня рот пошире, твоя ладонь целиком бы туда залезла! — Линь Цзунцзе, когда заводился, всегда начинал орать. От его зычного голоса в тёмном подъезде старой хрущёвки мгновенно вспыхнула тусклая лампочка, среагировав на шум.

Время было позднее, а в доме жили в основном пожилые люди. Боясь разбудить соседей, Хань Линь испуганно прижал палец к губам и сердито зашептал:

— Тише ты! Разорался тут. И вообще, за дело получил! Если ещё хоть раз устроишь тут концерт, близко к подъезду тебя не подпущу.

Получить по лицу, да ещё и нахлобучку в придачу от любимого человека — это было слишком. Линь Цзунцзе снова обиженно насутился:

— Значит, мне даже повозмущаться нельзя?

— Ну извинился я, извинился. Правда, случайно вышло, — вздохнул Хань Линь.

— И это всё? Просто «извини»?

— А что ещё ты хочешь?

— Подуй мне на щёку. Реально болит, аж горит всё. Не веришь — потрогай, припухло же.

Линь Цзунцзе потянулся к руке Хань Линя, но тот ловко увернулся, отступив на шаг.

Опасаясь получить вторую пощёчину, парень не стал упорствовать и распускать руки. Заметив в глазах Хань Линя мимолётное чувство вины, он, преодолевая боль, расплылся в довольной ухмылке и подался вперёд, заглядывая отличнику в лицо.

Сейчас он выглядел как самый настоящий уличный хулиган.

— Как там говорится? За кнутом должен следовать пряник. Кнут я получил, а где мой пряник?

Хань Линь бросил взгляд на его припухшую губу, неловко отвёл глаза в сторону и пробурчал:

— Нет такой поговорки.

— Есть, я сам слышал, — настаивал Линь Цзунцзе, придвигаясь ещё ближе. — Ну подуй. Подуешь — и я сразу уйду.

— Точно уйдёшь?

— Клянусь. Сразу развернусь и уйду, ни секунды не задержусь.

В подъезде очень вовремя погас свет.

В наступившей темноте Хань Линь отчётливо слышал глухие удары собственного сердца и ровное, тёплое дыхание Линь Цзунцзе.

Поскольку Цзунцзе вечно засыпал на уроках, Сун Чэн на днях подогнал ему своё секретное оружие — упаковку ядрёных мятных пастилок для концентрации внимания. Линь Цзунцзе закинул одну в рот незадолго до этого, чтобы хоть немного взбодриться, но теперь, глядя, как Хань Линь послушно приподнимается на цыпочках, собираясь подуть на его ушибленное лицо, он подумал: «Чёрт, а ведь с конфетой я прямо угадал».

Руководствуясь жизненным принципом «грех не воспользоваться моментом», он тут же наклонился навстречу. Изначально Линь Цзунцзе планировал разыграть случайное столкновение в духе дешёвых мелодрам, но губы Хань Линя оказались такими мягкими и манящими, что, коснувшись их, он напроць потерял контроль.

Хань Линя в очередной раз подвела излишняя доверчивость. Говорят же: обжёгшись на молоке, дуешь на воду. Но он умудрялся наступать на одни и те же грабли с этим наглым типом раз за разом. Ведь знал же, что перед ним законченный мерзавец, и всё равно повёлся на его жалобный скулёж.

Напор был стремительным и уверенным — в фирменном стиле этого наглеца.

Хань Линя словно громом поразило. Стоило ему дёрнуться, чтобы оттолкнуть парня, как Линь Цзунцзе властно перехватил инициативу. Одной рукой он намертво зафиксировал его затылок, а второй крепко обнял за тонкую талию, прижимая к себе.

Мятная прохлада ворвалась в приоткрытый рот, обжигая дыханием. Чем глубже становился поцелуй, тем сильнее Линь Цзунцзе сжимал объятия. Хань Линь отчаянно сопротивлялся, но

вскоре понял: чем сильнее он упирается, тем теснее они соприкасаются телами. Ощувив это внезапное, пугающе близкое тепло, он замер, не смея пошевелиться.

Оба были молоды, полны сил и горячей крови. В такой интимной близости физиологические реакции вспыхивали мгновенно и неосознанно. Почувствовав, как сильные пальцы сжимают его бёдра, Хань Линь окончательно потерял голову. Руки, которыми он секунду назад пытался оттолкнуть Цзунцзе, теперь судорожно вцепились в его плечи.

Сквозь полузакрытые веки он видел лицо Линь Цзунцзе: тот самозабвенно зажмурился, целуя его с какой-то отчаянной, сокрушительной жадой.

В самый разгар этого безумия снизу донёсся глухой стук шагов. Хань Линь не был близок со своим отцом, но за долгие годы совместной жизни научился распознавать его походку и характерное звяканье ключей из тысячи других. Это точно был он.

Хань Линь хотел закричать, но не мог; попытался оттолкнуть Линь Цзунцзе — тщетно.

Почувствовав, как парень в его руках внезапно окаменел, Линь Цзунцзе с опозданием понял, что кто-то поднимается. Он, разумеется, не догадывался, что этот незванный гость — его будущий тесть, и лишь мысленно выругался: «Какого чёрта кого-то принесло посреди ночи?»

Крепче перехватив Хань Линя за талию, он практически на весу увлёк его вверх по лестнице. Их губы при этом не размыкались ни на секунду — Линь Цзунцзе прекрасно понимал, что если отпустит сейчас, то второго шанса сегодня уже не получит.

Квартира Хань Линя находилась на четвёртом этаже, так что Линь Цзунцзе затащил его на площадку пятого. Запнувшись о ступеньку, Хань Линь потерял баланс и по инерции опустился прямо на холодный бетон. Цзунцзе тут же навис сверху, заломив его руки над головой.

Отец Хань, такой же педантичный и неторопливый, как и его сын, возился с замком целую вечность. Время для застывших на лестнице парней тянулось мучительно медленно. Линь Цзунцзе упоённо продолжал поцелуй, не думая о последствиях, в то время как Хань Линь был готов сгореть со стыда и злости. Из страха привлечь внимание отца он боялся даже вздохнуть лишний раз. Но едва внизу глухо хлопнула входная дверь, возвещая, что отец зашёл в квартиру, Хань Линь резко сомкнул челюсти и изо всех сил укусил наглеца за губу.

— Ай! — взвизгнул Линь Цзунцзе и пулей отлетел назад, зажав ладонью окровавленный рот.

Резкий хлопок двери внизу снова заставил вспыхнуть лампочку на пятом этаже.

Линь Цзунцзе, только что действовавший абсолютно нагло и безрассудно, внезапно почувствовал укол совести. Губы Хань Линя сильно припухли, на запястьях горели красные следы от его пальцев, а школьная форма была измята и растрёпана. Единственным утешением

было то, что за спиной у парня висел плотный рюкзак, смягчивший падение на каменные ступени.

Почувствовав вину, Цзунцзе протянул руку, чтобы помочь ему подняться.

Раздался звонкий шлепок.

Этот удар не имел ничего общего с предыдущим неловким движением. На этот раз Хань Линь влепил ему пощёчину от всей души.

— Я... — начал было Цзунцзе.

— Мы меняемся местами, — ледяным, не терпящим возражений тоном перебил Хань Линь. Он поднялся и рванулся вниз по лестнице.

Линь Цзунцзе успел схватить его за лямку рюкзака.

— Прости меня! Но я правда... ты мне безумно нравишься.

— Нравлюсь? — Хань Линь горько усмехнулся. — Да тебе просто скучно! Захотелось новизны, вот и решил поиграть? Ты и с девчонками так же себя вёл, когда они тебе отказывали? Бегал за ними хвостиком, а при первой возможности зажимал в углу или в подъезде и лез целоваться?

— Никогда я так не делал!

— На этом всё, — Хань Линь силой вырвал лямку из его пальцев и отступил на шаг. — Закончим, пока мы окончательно не зашли слишком далеко.

— В каком смысле «закончим»? Мы ведь даже не начинали!

— Всё, что произошло сегодня, вчера и до этого, я буду считать нелепой ошибкой. Забудь об этом. Чтобы завтра утром я тебя здесь не видел. И вечером тоже. Пересечь я смогу и без твоего согласия. Делай что хочешь, живи как знаешь — мне плевать.

Хань Линь взбежал на свой этаж. Грохот, с которым он захлопнул дверь, эхом разнёсся по всему подъезду.

Линь Цзунцзе так и остался стоять на площадке пятого этажа, растерянно глядя в пустоту.

Он медленно коснулся горячей щеки и разбитой губы. Боль была настоящей. Но и сладость

поцелуя была настоящей, как и его чувства к Хань Линю.

Почему же ему никто не верит?

<http://bllate.org/book/18229/1759697>